

по дому, который представляет скорее высокую культуру и экспортный рынок, чем военную угрозу или моральное разложение. Огромный город уже не чуждое для нас явление. В этой категории находится также и наш собственный, с населением более миллиона человек Большой Хельсинки, урбанизация которого и космополитизм — в хорошем и плохом — отнюдь не уступают метрополии на Неве.

Финны в Восточной Карелии

Ингерманландцы, почти полтора ста тысяч переселенных в XVII столетии финнов-лютеран, образовывали одну, хотя и не самую крупную финскую группу в Советском Союзе. В России финны до революции жили, помимо Петербурга, где их было почти двадцать тысяч, и в других местах — небольшое количество на Дальнем Востоке, в Мурманске и в Восточной Карелии, даже на Кавказе.

После революции большая часть финнов вернулась в Финляндию настолько быстро, насколько могла. Их количество Пекка Невалайнен определял примерно в 19 500 человек. На их место, однако, вскоре пришли новые. После неудачного восстания 1918 г. из Финляндии в Россию бежали около 10 000 человек, из которых довольно значительная часть вскоре вернулась в Финляндию. Помимо так называемых красных появились и другие. В начале 1930-х гг. из Финляндии в Советский Союз перешли через границу свыше 10 000 человек. Кроме того, в то же время приехали из Северной Америки страдавшие от жестокого экономического кризиса примерно 6000 тамошних финнов. Большая часть всех их была размещена на жительство в Восточной Карелии, где уже в 1920 г. была основана Карельская Трудовая Коммуна (с 1923 г. — Карельская автономная социалистическая республика).

На этой территории вторым языком был финский, и т. к. карельский язык считался диалектом финского, полагали, что примерно 80 000 карел должны учить финский язык и приобретать образование на этом языке. Эта так называемая политика карелизации была общим принципом местного применения, который в то время был в силе в Советском Союзе и был известен под названием «коренизация». В рамках этой политики стремились предоставить людям местной национальности возможность использовать собственный язык, как в начальной школе, в управлении, так и в целом в культуре.

Известная под названием коренизации политика была, однако, прекращена в середине 1930-х гг. На практике это означало, что на всех так называемых национальных территориях стали осуществляться теперь «чистки» в среде местной элиты, к власти приходили русские. Политика теперь снова была направлена на создание унифицированного государства, в котором особые права национальностей не одобрялись.

В Восточной Карелии использование финского языка было запрещено полностью и на всех уровнях с конца 1937 г. На его место пришел искусственный, основанный на кириллице карельский язык, который быстро был изобретен профессором Д.В. Бубрихом. Поскольку никакого общего карельского языка никогда не существовало, речь шла об абсолютно новой работе, породившей на практике огромные трудности. По обычаю времени, в проблемах обвинили «саботаж вредителей», в данном случае создатель языка был арестован и обвинен в том, что умышленно отдалил новый язык от русского. Так перешли от прежнего к более русифицированному карельскому языку, который в действительности только владевшие русским языком способны были в какой-то степени понимать.

Большой террор уничтожил также всю финскую верхушку в Восточной Карелии, а помимо этого массу простых рабочих и служащих — всего свыше 8000 человек, по подсчетам Эйлы Лахти-Аргутиной. Удар был нанесен не только по финнам, но он пришелся по всем национальностям неравномерно. В населении Восточной Карелии, согласно данным Ирины Такала, финны составляли примерно 3 %, но их доля среди жертв террора превышала 40 %. Количество жертв среди карел составляло 27 %, а среди русских — 25 %. При проведении Большого террора в масштабах Советского Союза осуществлялись так называемые «национальные операции», которые можно характеризовать как убийство народов. Финны в этом отношении отнюдь не были исключением, поляки, эстонцы, латыши, немцы и другие национальные меньшинства уничтожались в той или иной степени в то же самое время и по одной и той же схеме.

В Ингерманландии использование финского языка было запрещено в то же время, что и в Карелии, в годы советской власти этот язык там уже никогда больше не восстановил своего прежнего положения. Ингерманландцы подверглись очень жестокому обращению. Во время коллективизации тысячи их были выселены из родных мест, многие на далекие рудники. С прилегающих к финской границе территорий ингерманландцы были выселены уже в 1935 г.

Большой террор «отшлифовал» уничтожение части финского населения Ингерманландии, которое дополнилось перемещениями населения во время Второй мировой войны и послевоенной политикой, препятствовавшей его возвращению в родные края. Довольно большие и чисто финские по языку лютеранские общины, которые существовали в Ингерманландии еще в начале 1930-х гг., были, таким образом, насильственно уничтожены. В этом случае решающим фактором явилось не вероисповедание, а политика и осуществлявшийся тоталитарным государством запланированный государственный террор.

После русской революции большевистская власть провозгласила, что социальное положение и классовая солидарность, а не национальность или вера являются теми факторами, на основе которых будет возводиться новое государство. Важнейшим фактором, который отличал людей по обе стороны восточной границы Финляндии, стала теперь идеология. Это утверждение небезосновательно. Бежавшие в 1918 г. в Советскую Россию финны не испытывали никакой солидарности с «белой» Финляндией, но рьяно сражались за свою новую родину против финнов в 1918–1922 гг. в так называемых соплеменных войнах.

Соответственно находившиеся у власти в Восточной Карелии финны не ощущали себя никакими агентами буржуазной Финляндии, а хотели создать новую «Великую Финляндию», в которой были бы объединены Финляндия и Восточная Карелия, на общих с Россией идеологических узах, на прочной классовой основе. Классово и идеологически обоснованная международная солидарность оказалась весьма кратковременной. Сталин отказался от нее во второй половине 1930-х гг. и перешел к террору, имевшему также четкие национальные измерения.

При нападении на Финляндию в 1939 г. Советский Союз создал так называемое Терийокское правительство, которое якобы представляло народ Финляндии. Таким образом, советское правительство во второй раз забирало назад свое признание, данное им финскому правительству в 1917 г. Это новое правительство сочли единственным возможным компаньоном для заключения договора о помощи и сотрудничестве. Один важный параграф этого договора касался государственных границ и принципов их размежевания.

Договор предусматривал, что Советский Союз передаст Финляндии 70 000 квадратных километров территории Восточной Карелии, чтобы тем самым осуществились «вековые чаяния о воссоединении

карельского народа с братским финским народом в едином и независимом финском государстве». Даримая территория простиралась от Олонца до Ухты и немного севернее, и это объяснялось тем, что преобладающим населением здесь были карелы. До Мурманской железной дороги было, по меньшей мере, 25 километров. Тем самым речь шла явно о Великой Финляндии, о которой в свое время печалились некоторые финские круги сразу после приобретения независимости, а по другую сторону границы, со своей стороны, также финские правители Восточной Карелии. В обмен на этот огромный территориальный дар Финляндия передавала Советскому Союзу южную часть Карельского перешейка, на западе простиравшуюся до Койвисто, а также острова в Финском заливе. Кроме того, Финляндия за большую компенсацию сдавала в аренду на 30 лет Ханко. Заявлялось, что договор вступит в силу сразу, а ратификация должна «по возможности скоро» произойти в Хельсинки. Таким образом, речь шла не об обещании, а о государственном акте, который вступил в силу. Согласно договору, речь шла о законной национальной цели, реализация которой достигалась объединением частей по обе стороны границы.

То, что созданная таким образом Великая Финляндия будет по своей идеологии социалистической или в какой-то иной форме под управлением Советского Союза, в договоре отвергалось. Не давалось и намека на возможное присоединение в будущем к Советскому Союзу. В Финляндии все-таки преобладало иное мнение, и наслушавшиеся всякого о царившем в Советском Союзе режиме террора финны считали за лучшее не принимать дара. Эта позиция отражала редкое единодушное сопротивление, которое финны оказали превосходящему по силу агрессору. Сопротивление было необходимой предпосылкой для того, чтобы красноармейские части никогда не достигли Хельсинки. Договор, таким образом, никогда не был ратифицирован.

Хотя Москва позже согласилась заключить мир с правительством в Хельсинки, которому, разумеется, никаких подарков сделано не было, всё отнюдь не осталось по-прежнему в национальном положении советских финнов. Исход Зимней войны был совершенно иной, чем предполагали в Москве, но и он совершил переворот в национальной ситуации.

От Финляндии отрезали новые территории, которые приблизительно соответствовали захваченным в свое время Петром Великим. Их решили присоединить к новообразованной Карело-Финской Советской республике, а не к Российской Федерации. Таким образом, вся новая территория, включая Выборг, стала частью

новой союзной республики, которая в принципе вместе с другими союзными республиками входила в федеративное государство. Исходя из этого, можно говорить, что финские территории были присоединены не к чужому государству, но к другому финскому государству. Вторым, новым государственным языком в этой республике стал финский.

Весной 1940 г. в Восточной Карелии испытали, таким образом, новую революцию в национальных отношениях, когда финский язык внезапно стал востребован, а созданный профессором Бубрихом карельский язык окончательно был предан забвению. В Восточной Карелии снова писали латиницей на исключительно нормальном финском языке. Школы с преподаванием на финском языке, библиотеки, театры возобновили свою деятельность, начали выходить газеты на финском языке, основали и университет.

Однако после Большого террора в Восточной Карелии финнов осталось мало, а жители завоеванных финских территорий бежали в Финляндию. Новые финские жители завозились тайком из Ингерманландии, где финский язык не был возвращен в употребление.

Жизнь в новой национальной республике, однако, чахла, и в 1956 г. она снова была понижена в статусе до автономной социалистической республики. По оценкам исследователей это означало, что Советский Союз уже отказался от мысли о присоединении Финляндии к советскому государству, чего добивался в 1940 г., а возможно, и позже.

Мысль об объединении карел и финнов в независимом финляндском государстве, т. е. о создании Великой Финляндии стала политически актуальной и более или менее реалистичной после русской революции 1917 г. Значительную роль в этом сыграла национальная политика большевиков, провозглашенная еще в первом декрете советского правительства, признавшем за всеми национальностями право на государственное существование. Во время войны эта уже устаревшая идея вдруг всплыла в заключенном советским правительством и Терийокским правительством в 1939 г. договоре, в котором советское правительство считало это оправданным.

В действительности, однако, оказалось, что благожелательный взгляд советского правительства на основание Великой Финляндии предусматривал, что за ним останется в этом государстве полнота власти. Когда буржуазная Финляндия во время войны-продолжения захватила в 1941–1944 гг. Восточную Карелию, это было

названо Москвой грабительской и захватнической войной, которой нет никакого оправдания. Не удивительно, что в Парижском мирном договоре 1947 г. к Финляндии не присоединили восточно-карельские территории. После этого к этой теме по обе стороны границы уже не стремились возвращаться.

Во всяком случае, финское население оставалось частью населения Советского Союза. Правда, его численность сильно сократилась. В России — не считая Великого княжества — в 1897 г. насчитывалось примерно 143 000 финнов, которые составляли примерно 0,1 % от всей численности населения империи, а в начале 2000-х гг. их было примерно 34 000, т. е. чуть более 0,02 %. Относительная (а также и абсолютная) численность финнов сократилась почти в пять раз. Как мы помним, процесс отнюдь не был равномерным, но исключительно серьезные изменения очевидны. Также численность населения восточного соседа в течение столетия значительно изменилась. Вначале население почти удвоилось, а после распада Советского Союза уменьшилось вдвое.

Кратко рассмотрев судьбы русского населения в Финляндии, мы сможем констатировать, что процесс был во многом иным, чем судьба финнов в России. Русских в Финляндии до времен Петра Великого почти не было. Граница между Западом и Востоком в то время была очень резкой, и, прежде всего, в силу вероисповедных и государственных причин.

Когда отделение Старой Финляндии от Швеции было подтверждено мирными договорами 1721 и 1743 гг., в ее города потянулось известное число русских купцов. Также несколько групп крепостных крестьян было перемещено на перешеек, но остальная территория поразительным образом не подверглась обрусению. Эта ситуация сохранялась в 1800-е гг. Хотя Великое княжество Финляндское было частью Российской империи, в его населении русские составляли крошечную долю. Трудно сказать, чем объяснить это явление. Очевидно, переезд в страну с чужим языком и иной верой был делом не простым. Кроме того, следует учитывать, что у Финляндии было свое гражданство, русские не могли поселиться в ней просто так, необходимы были определенные бюрократические процедуры. Русских к концу XIX в. в Финляндии насчитывалось всего примерно 6000 человек. Это составляло только 0,2 % — очень небольшое количество.

Незначительным количеством русских оставалось и в начале XX столетия. После большевистского переворота в Финляндию прибыли, по подсчетам Пекки Невалайнена, примерно

44 000 беженцев, из которых большую часть, правда, составляли не русские. В то же время из Финляндии выслали в Россию едва ли не больше русских, чем переехало в Финляндию, так что количество изменилось не намного. Наибольшая численность беженцев на территории Финляндии наблюдалась в 1922 г. — более 30 000 человек, т. е. примерно 1 % от общей численности населения. Позже многие русские уехали далее на запад, а многие карелы вернулись в свои дома.

Между русскими и финнами в XIX в., пожалуй, не было серьезных трений. В период угнетения ситуация изменилась, и в начале XX столетия так называемых «едоков Финляндии» русские газеты начали сообщать о разного рода проявлениях угнетения русских. По той или иной причине, вероятно, именно как реакция на русское националистическое наступление в Финляндии возникла русофобия, известными проявлениями которой стали в 1918 г. групповые убийства.

После Второй мировой войны численность русских в Финляндии оставалась очень небольшой, хотя в силу некоторых принципов статистики оценка имеющихся данных не всегда однозначна. Во всяком случае, численность владеющего русским языком и считающего себя русским населения явно была менее 5000 человек, что составляло примерно 0,1 % от всего населения Финляндии.

Благодаря распаду Советского Союза и так называемому возвращению ингерманландцев приток русских в Финляндию с начала 1990-х гг. рос невиданными ранее темпами. Сейчас численность русских в Финляндии, точнее говоря, говорящих по-русски людей, достигает почти 60 000 человек, что составляет более 1 % от численности населения страны.

Можно констатировать, что складывается исторически новая ситуация. Абсолютная и относительная доля русских в населении Финляндии сейчас гораздо больше, чем когда-либо в истории. С этим связано расширение сферы контактов финнов и русских. Вера уже не отличает людей друг от друга, политическая идеология также не играет особой роли. Если финляндско-русские контакты ранее осуществлялись, прежде всего, на высоком общественном уровне, на уровне служивших в России финских офицеров и, с другой стороны, скорее на уровне пролетариата, ныне такие контакты возникают на уровне среднего класса. Появление численно большого среднего класса в истории России само по себе уже является новым явлением. Контакты расширяются также благодаря общему *lingua franca*, т. е. английскому языку, которым владеют все

более широко по обе стороны границы. Кроме того, людей все более объединяет мировая поп-культура и растущий туризм, а также интернет и другие новые средства массовой информации и коммуникации. Культурная среда, в которой по обе стороны границы воспроизводятся одни и те же элементы сознания, — исторически совершенно новое явление.

В свете истории положение национальных меньшинств по обе стороны финляндско-русской границы было проблематичным, не только полным трудностей, но и трагичным. Ситуация сейчас в корне меняется. Финны, правда, в небольшом количестве переселились ныне в Россию, и они вообще бывают в ней временно, в силу работы, но ситуация была примерно такой же и в конце XIX в. Во всяком случае, даже количество финнов в России и, особенно в Петербурге, после резкого сокращения в период кризиса снова начало расти. В то же время, когда старое ингерманландское население сократилось, оно было ассимилировано русскоязычной средой или «вернулось» в Финляндию, откуда пришли их предки в XVII столетии. Все более часто финны приезжают работать в Петербург и Москву, где современный капитализм эпохи глобализации проявляется так же естественно, как в Хельсинки или в Пекине.